

- Чижи́кова* 1978 – *Чижи́кова Л.Н.* Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд. М., 1978. С. 153–164.
- Шервуд* 1990 – *Шервуд Е.А.* Англичане // Брак у народов Северной... С. 71–115.
- Шлыгина* 1990 – *Шлыгина Н.В.* Финны // Брак у народов Северной... С. 291–304.
- Щепанская* 2001 – *Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 41–61.
- Čvetanovska* 2001 – *Čvetanovska J.* Traditional Punishments for Female Sins // Macedonian Folklore. Т. XXIX. Broj 58–59. Skopje, 2001. S. 564–558.
- Dworakowski* 1935 – *Dworakowski S.* Zwycaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckim. W-wa, 1935. S. 80–82.
- Gradskova* 2007 – *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies. Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Stockholm, 2007.
- Stibranova* 1982 – *Stibranova T.* Uloha moralky pri vybere manzelskeho partnera // Slovensky narodopis. 1982. № 2. S. 35–46.

N.L. Pushkareva. Disgracing Punishments for Women in Nineteenth and Early Twentieth Century Russia

Keywords: Russian customary law, women, disgracing punishments, ethnography of family, gender roles, gender studies in ethnology, feminist ethnography

Disgracing punishments, having originated in the late medieval epoch, survived for at least three centuries, and for over four in Russia. They assumed a gender hue and were practiced in peasant communities up until the 1920s; and it were women (in Russia, as in most other cultures of the patriarchal type) that were subject to infidelity and adultery punishments. The article seeks to answer a range of questions such as: Under what conditions and in what ways were such punishments applied to women in nineteenth and early twentieth century Russia? Why both in Europe and in some parts of Russia were there regions in which these punishments did not exist? What are specificities of the Russian practices in regard to disgracing gender-biased violence directed against missteps related to the female body?

ЭО, 2009, № 5

© И.Г. Семенов

МЕТАМОРФОЗЫ ЭПИТЕТА “ЕВРЕЙСКИЙ” В ДАГЕСТАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ*

Ключевые слова: дагестанские легенды, старейшие аулы, эпитет еврейский, эпитет христианский, евреи Дагестана

Еврейское население на территории Дагестана появилось не позднее X в., о чем свидетельствует упоминание арабо-персидским автором о том, что правитель области Джидан (Хайдак; соответствует приблизительно территории современных Кайтагского и ряда прилегающих к нему районов Республики Дагестан (далее – РД)) в пятницу молился с мусульманами, в субботу – с евреями, а в воскресенье – с христианами (*Минорский* 1963: 220). Судя по всему, в средневековый период ареал расселения евреев на Восточном Кавказе был ограничен равнинной и предгорной зонами. Во всяком

Игорь Годович Семенов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; e-mail: i_semyonov@pochta.ru

случае, в последующий период, в XVI – начале XIX в., вплоть до Кавказской войны 1817–1859 гг., горские евреи фиксируются только в указанных ландшафтных зонах. Для данного периода источники отмечают горских евреев во владениях дербентского хана, табасаранского майсума, табасаранского кадия, кюринского хана, кайтагского уцмий и тарковского шамхала. Евреи обитали там преимущественно в обособленных кварталах мусульманских аулов (Маджалис, Янгикент, Карчаг и др.) или, реже, в собственно еврейских селах (Абасава, Мамрач, Нюнди-Мюшкюр, Ашага-Араг).

Судя по всему, вплоть до завоевания Восточного Кавказа Россией евреи практически не селились на территории независимых вольных обществ (джамаатов) Дагестана. Причиной тому служило специфическое социальное устройство данных обществ. Большинство из них имело характер закрытых социальных единиц, что выражалось в стремлении оградить свой джамаат от включения в него новых членов (*Агларов* 1988: 124, 145, 146; 225, примеч. 220) – не только евреев, но и вообще любых других чужаков, даже тех, кто имел родственников в джамаате. Это было связано как с экономическими (малоземелье и т.д.), так и демографическими условиями большинства независимых джамаатов.

За многие века своего обитания на Восточном Кавказе горские евреи приобрели множество элементов местных кавказских традиций и, по выражению С.А. Арутюнова, “хорошо вписались в мир кавказской культуры”¹. Данный факт проявляет себя в целом ряде случаев, на которые уже не раз обращалось внимание в литературе (*Семенов* 2003: 167; *Ибрагимов* 2004: 86). Особое место среди них занимает бытующая в современном Дагестане, а также в Республике Азербайджан традиция именованная “евреями” жителей довольно многих мусульманских аулов, которые в обозримом прошлом не имели никакого отношения ни к еврейству, ни к иудаизму. Факты такого рода подразделены мной на пять типологических рядов, в соответствии с мотивами указанного именованья.

1. Одни из наиболее многочисленных случаев именованья такого рода связаны с существованием в прошлом еврейских кварталов в некоторых из таких аулов: после того, как евреи стали переселяться в города, сельчане полшутя прилагали название “евреи” к новым, мусульманским обитателям бывшего еврейского квартала, причем со временем этим “евреям” начали приписывать весь набор стереотипных черт, который обычно связывался с горскими евреями (ловкость в делах, сплоченность перед внешней опасностью и т.д.). Между тем жители окрестных сел распространяли наименование “евреи” на всех обитателей аула, некогда имевшего еврейский квартал. Так, жители кумыкского аула Дургели (Буйнакский р-н РД) “евреями” называют кумыков, живущих в бывшем еврейском квартале данного аула, а кумыки окрестных сел распространяют это название на всех без исключения дургелинцев (ПМА 4: Ибрагимов). Небезынтересно, что и сами дургелинцы не чураются “еврейской” самоидентификации. Так, по свидетельству М.И. Абдуллаевой, в марте 2007 г. на свадьбе у дургелинских кумыков гости в какой-то момент попросили музыкантов сыграть “нашу еврейскую песню”, т.е. одесскую “семь-сорок” (“В семь-сорок он приходит...”) (ПМА 11: Абдуллаева), которая на Кавказе атрибутируется как элемент музыкальной культуры не только европейских евреев, но и евреев горских.

Другой такой же случай связан с лезгинскими селениями Карчаг и Араг (Сулейман-Стальский р-н РД). Так, по данным А.К. Аликберова, карчагские и арагские лезгины именуется лезгинами других селений “евреями” (*Аликберов* 2003: 455, примеч. 23). И это, несмотря на то, что в селениях Карчаг и Араг горские евреи и лезгины жили в обособленных кварталах, и после того, как в 1958 г. горские евреи покинули эти селения, еврейские кварталы остались там полностью заброшенными.

Отмеченный выше принцип именованья дагестанских мусульман “евреями” возник сравнительно недавно, так как горско-еврейские села, а также и еврейские кварталы в мусульманских селениях стали активно исчезать лишь в 50-х годах XX в.,

когда сельское население бывшего Советского Союза получило возможность получать внутренние паспорта и практически беспрепятственно переселяться в города. И еще одно замечание, связанное с указанным принципом: в настоящее время, когда процесс урбанизации в Дагестане продвинулся достаточно далеко, “евреями” порой называют выходцев из тех районов Дагестана, в которых некогда существовало довольно многочисленное еврейское население: Табасаранский, Кайтагский, Сулейман-Стальский районы, а также г. Дербент (ПМА 11: Магомедханов). Впрочем, судя по всему, подобная тенденция наметилась еще в XIX в., так как, например, по представлению М. Алиханова-Аварского, в домусульманскую эпоху “большая часть жителей Табасарана исповедовала религию еврейскую и была неверными” (Тарихи 1898: 80), а анонимный автор одного из очерков о Дагестане писал: “Табасараны называют себя гум-гум и говорят, что происходят от евреев” (Очерк 1867).

2. Другой мотив именованя дагестанских мусульман “евреями” связан с традиционным для некоторых аулов использованием гексаграммы в качестве элемента декора. Разумеется, здесь не может быть и речи о заимствовании гексаграммы у горских евреев, поскольку те до конца XIX – начала XX в. гексаграмму в качестве своего религиозного или национального символа не рассматривали, поэтому появление ее в Дагестане следует связывать с древнейшим, домусульманским периодом истории дагестанских народов. О связи этого периода с древнейшими языческими культами дагестанцев свидетельствует тот факт, что в настоящее время употребление гексаграммы сохраняется преимущественно в декоре надмогильных стел. Среди аулов, в которых распространена данная традиция, называют сел. Хурык (Табасаранский р-н РД) (ПМА 4: Сефербеков), и, соответственно, хурыкцы именуются лезгинами и табасаранцами “евреями”. Еще один пример такого же рода связан с аулом Старые Зубутли (Казбековский р-н РД). По сообщению М.А. Дадаева, в местности Гъелю, около Зубутли есть кладбище с гексаграммами на стелах; вследствие этого в соседних селах жителей с. Зубутли называют “евреями”. По местному преданию, и сам аул Зубутли был основан евреями; в эпоху распространения ислама в Дагестане некоторые из зубутлинских евреев вынуждены были принять ислам и впоследствии ассимилировались среди мусульман, другие были истреблены, третьи – бежали (ПМА 10: Дадаев).

Не подлежит сомнению, что в данном случае также имеет место довольно поздняя традиция, так как горские евреи, которые на Восточном Кавказе преимущественно и являлись носителями иудаизма, до самого конца того же XIX в. не изображали гексаграммы ни на надмогильных стелах, ни на зданиях, ни где-либо еще. Традиция же использования указанного символа горскими евреями и оседавшими в XIX–XX вв. на Кавказе евреями-ашкеназами связана с распространением в тот период сионистских идей и новой сионистской символики.

3. Сравнительно недавно удалось выявить еще один мотив именованя дагестанских мусульман “евреями”. По сообщению Д.-А.А. Хазамова, жители сел. Салта (Гунибский р-н РД) традиционно занимались выделкой шкур, а поскольку это единственный аварский аул, специализировавшийся на данном промысле, то салтинцев считали пришлыми, причем их происхождение связывали с евреями (ПМА 10: Хазамов). По всей видимости, мотивацией последнего служил тот факт, что выделкой кожи в Дагестане занимались преимущественно горские евреи (см.: *Ихлов* 2004: 53), и потому и само это ремесло считалось еврейским (так же, как в Средней Азии окрашивание тканей считалось еврейским промыслом) (*Датхаев* 1995: 27; то же, кстати, и в Дагестане ПМА 3: тетр. 2).

4. На еще один мотив именованя “евреями” у дагестанцев было недавно указано С.А. Лугуевым. По его сообщению, в нескольких километрах к северо-западу от Кумуха располагались два лакских селения – Вилташи (на картах – Вилтах) и в полукилометре от него Убра (Лакский р-н РД). Виртащинцы на бытовом уровне называли убринцев *джугьути* – “евреи” (ед.ч. *джугьут*), имея в виду их “пробивной” характер,

оборотистость, умение зарабатывать деньги там, где никто другой не сумеет. Убрицы на это нисколько не обижались (ПМ Лугуева: тетр.1).

5. Наибольший интерес представляет пятый мотив именованя дагестанских мусульман “евреями”. Он связан с легендами, для которых характерно наличие мотива об основании некоторых аулов евреями. Так, по преданию жителей даргинского сел. Мекеги (Левашинский р-н РД), в местности Шибарк некогда располагалось село; после войны с некими врагами там осталось только 12 мужчин; они расселились по разным местам – один из них основал аул Мекеги, второй – аул Кадар, трое других – аул Губден и т.д. (*Магомедов Р.М. 1977: 126*). Б.Г. Алиевым в ходе полевых изысканий было уточнено, что село, находившееся в местности Шибарк, являлось еврейским, а выходцами из него был основан также аул Мулебки; указанная же местность находилась где-то посредине между селениями Мекеги и Мулебки (ПМ Алиева: тетр. 1). Дополнительный свет на данную легенду проливает информация, записанная М.С. Гаджиевым: между селениями Мекеги и Мулебки, на западном подножии горы Зиха, находится местность ЖугьутТела шибаркъ – “Еврейское поселение” (Там же).

Таким образом, предания приписывают основателям селений Мекеги, Мулебки, Губден и Кадар еврейское происхождение. Особенно прочно с евреями предания связывают мекегинцев, которые и сами называют себя *жугьут агьдула* – “еврейского происхождения (рода)” (*Магомедов Р.М. 1977: 127*). При этом жители соседних даргинских аулов, подчеркивая еврейскую принадлежность мекегинцев, указывают на их внешнее сходство с горскими евреями, на похожесть их поведенческих особенностей и на такой признак “еврейства”, как шумное оплакивание мекегинцами покойников, что сопровождалось расцарапыванием собственных лиц (ПМ Алиева: тетр. 1)².

Для разрешения вопроса о происхождении указанного мотива в легендах о возникновении некоторых дагестанских сел необходимо проанализировать ряд других примеров.

По сообщению Г.С. Сосунова, у жителей аварского аула Согратль (Гунибский р-н РД) также бытует предание об основании их селения евреями, правда, перепроверить данную информацию не удалось. Но Г.С. Сосунов уверяет, что согратлинцы считают песню “семь-сорок” “своей, еврейской” (ПМА 5: тетр. 1).

Не меньший интерес представляют материалы о “еврейском” прошлом другого аварского аула – Араканы (Унцукульский р-н РД). В анонимной истории дагестанского аула Ирхан сообщается следующее: “В квартале Каршаб [Каршаб – квартал селения Аракани (История Ирхана 1993: 167, комм. 2). – *И.С.*] было тридцать пять еврейских домов, которые платили харадж эмиру Ирхана” (История Ирхана 1993: 164). В историческом плане данное сообщение не внушает доверия, так как оно не подкрепляется свидетельствами параллельных источников, но в отношении рассматриваемого здесь вопроса цитировавшийся текст представляет несомненный интерес.

Важное дополнение к этой информации содержится в араканских исторических легендах, сохранившихся в записи А.М. Нурмагомедова, сделанной им со слов своего отца, дагестанского арабиста М.Г. Нурмагомедова, уроженца сел. Араканы. Данная запись, озаглавленная как “Некоторые исторические сведения о жителях сел. Араканы”, была использована нами с А.М. Нурмагомедовым при подготовке доклада относительно “еврейской” составляющей легенд об основании аула Араканы (Материалы 2007). В отличие от других преданий, связывавших основание тех или иных дагестанских сел с евреями, легенды об основании сел. Араканы содержат ряд отличительных особенностей. Так, если все другие предания прямо приписывают происхождение отдельных сел евреям, то тот вариант араканского предания, который был записан со слов М.Г. Нурмагомедова, содержит важные отличия: а) самое большое из семи селений (МагІмиз), жители которых потом переселились в Араканы, было основано персами, правителем которых был Ариф-хан; б) в самом сел. Араканы был квартал Кваршаб, в котором было 35 еврейских домов (“До наших дней там сохранилась их

синагога. До революции в стене одного дома был найден талмуд... После того как в Араканы пришли аварцы, эти евреи разъехались”).

В XIX столетии о “еврейском” прошлом аула Араканы, а также и лезгинского сел. Ахты писал И.Ш. Анисимов, по словам которого их жители “хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев” (Анисимов 2002: 26).

Одно из свидетельств такого рода было зафиксировано и Б.В. Миллером: «Как мне сообщил один аварец³, в Аварии и сейчас ходит много преданий о том, что раньше в разных селениях жили “евреи”, или же сами аварцы говорят, что они “еврейского происхождения”. Таковы, напр., предания о сельском обществе Гумбед⁴, Хасав-Юртского округа, о сел. Аракани, по дороге из Темир-Хан-Шуры⁵ в Хунзах и других» (Миллер Б. 1929: 21).

В том же ряду стоит и легенда о еврейском происхождении жителей аварского аула Каранай (Буйнакский р-н РД) (ПМА 6: тетр. 1), андийского аула Муни (Шиллинг 1947; 1948: 100; Агларов 2002: 12, 20, 23–24, 32), а также селений Гюрюз, Шюдюх, Сююб, Учгюн (Маноах 1984: 11. О “еврейском” прошлом сел. Шюдюх см.: 2008: 8), Ньюдюн (Маноах 1984: 12) и других в Республике Азербайджан.

Соответствующие легенды о сел. Муни отражены в нескольких дагестанских хрониках; кроме того, эти легенды продолжают бытовать и в устной форме (Агларов 2002: 12). По данным Е.М. Шиллинга, в этой легенде “вся территория по левому берегу Андийского Койсу рассматривается как принадлежащая Жъугъут-хану (дословно “Еврейский хан”. – И.С.), а правобережные земли – Суракату Аварскому”. М.А. Агларов отмечает, что это предание носит название “О 1000 всадниках на белых конях, войске Джугъут-хана”. “Согласно историческим преданиям андийского долинного селения Муни, – пишет М.А. Агларов, – здесь некогда существовало обширное государство, во главе которого стоял Жъугъут-хан. Его земли простирались в горах до Хунзахского плато, в плоскости ниже по течению Дангъиза (Андийское Койсу) и до Харачоя. Верхнеандийские селения тогда подчинялись Жъугъут-хану. Он мог собрать войско в 1000 всадников на белых конях. Башня, что ныне высится напротив села, построена также Жъугъут-ханом” (Агларов 2002: 32). В предании же, записанном Е.М. Шиллингом, рассказывается о том, что в Муни было два брата; один из них жил в башне, располагавшейся на правой стороне мунинского ущелья, а другой – на левой. Вся земля направо от Дангъиза была мунинская, а по ту сторону – суракатовская (Шиллинг 1947; 1948: 100).

По данным М.-Р.А. Ибрагимова, в настоящее время в Дагестане насчитывается более 30 селений и сельских кварталов, происхождение которых связывается с евреями (2002: 525). Судя по всему, в XIX столетии подобных легенд в Дагестане имелось значительно больше, во всяком случае, их было настолько много, что некто, скрывавшийся под инициалами “П.У.” (по всей видимости, барон П.К. Услар, известный исследователь кавказских языков), отмечал следующее: “Теперь в Дагестане не только отдельным аулам, но даже целым народам, предание приписывает еврейское происхождение, как напр. андийцам и табасаранцам” (П.У. 1869: 8).

В связи с рассматриваемым вопросом необходимо также отметить, что нередко дагестанские легенды приписывают основание некоторых аулов не только евреям, но и армянам, грузинам или, реже, русским. Так, в материалах сословно-поземельной комиссии, работавшей в Южном Дагестане в середине XIX в., отмечается, что, по преданию, жителями агульского сел. Усуг (Усуг) “были когда-то евреи, принужденные во избежание разного рода притеснений принять магометанство” (ЦГА РД: 64–65), а жителями другого агульского селения Гейхан (Гельхан) “были когда-то Армяне” (Там же). По информации, предоставленной М.-Р.А. Ибрагимовым, предание о “еврейском происхождении” жителей аула Усуг сохраняется поныне (ПМА 4: Ибрагимов).

Как отмечает М.Р. Гасанов, “некоторые тухумы с. Уртил Хивского района ведут свою родословную от армян” (Гасанов 1994: 84). Другое предание такого рода связа-

но со старейшим аварским аулом Чирката (Гумбетовский р-н РД). Согласно легенде, зафиксированной Д.М. Магомедовым в 90-е годы XX в., этот аул был основан выходцами из ближайших сел, одни из которых были армянами, другие – евреями (ПМА 4: Магомедов). А жители другого аварского аула – Арчо – считают, что их предками были христиане (*Сергеева* 1967: 21).

В том же ряду следует рассматривать и сообщение А.-К. Бакиханова о том, что жители лезгинского сел. Микрах происходят от древних русов и славян, переселившихся туда еще при владычестве хазар (*Бакиханов* 1991: 23). Очень давно возникла легенда о франкском происхождении кубачинцев (*Маммаев* 2005: 195).

Причина, по которой основание некоторых дагестанских аулов связывалось с евреями, армянами, грузинами или русскими, останется не проясненной, если не принять во внимание другую дагестанскую традицию, а именно обозначение некоторых археологических памятников “еврейскими”, “армянскими”, “грузинскими” или “русскими”. Семантика применяемого в такого рода легендах эпитета “еврейский” проявляет себя на примере легенды об основании *самой старой* мечети в лезгинском сел. Ахты: в середине XIX в. А.-К. Бакихановым было зафиксировано предание о том, что “южная стена Ахтынской мечети является остатком мечети, построенной Абу Муслимом” (*Бакиханов* 1991: 63. О культе Абу-Муслима в Дагестане см.: *Бобровников, Сефербеков* 2003: 154–214); в наши же дни мной было зафиксировано лезгинское предание о “еврейской” принадлежности данной мечети, причем указывалось, что над входом в здание поныне сохраняется выполненный по-еврейски полустершийся от времени “тарих” (в данном случае – надпись с указанием даты постройки); эта мечеть якобы являлась прежде синагогой, но после того как ахтынцы перешли в ислам, она была превращена в мечеть (ПМА 2: тетр. 2).

В данном случае прослеживается очевидная синонимичность понятий “старинный” и “еврейский”. И надо полагать, что появление эпитетов “еврейский” в легендах о возникновении ряда дагестанских аулов также связано с представлением об их древности, поскольку все рассмотренные выше предания имеют отношение к очень старым селениям. Данное предположение находит подтверждение в группе других преданий об археологических памятниках, мусульманская принадлежность которых с точки зрения народной исторической традиции сомнительна. Так, по сообщению А.Р. Шихсаидова, в южной части Дагестана есть ряд памятников, связываемых местной традицией с евреями, однако при археологическом изучении некоторых из них выяснялось, что к евреям данные артефакты никакого отношения не имеют⁶.

По аварскому преданию, зафиксированному Р.М. Магомедовым, в Хунзахском р-не на горе Хабал гоҭл была крепость, которую построили немусульмане; со временем ее жители оставили крепость и основали селение около современного аула Гонох; сохранились остатки этого селения. Его жители были то ли грузинами, то ли евреями (*Магомедов Р.М.* 1977: 84). В этой же связи можно указать и на название городища Арменкала (*Арменкала* – “Армянская крепость”), расположенного на острове в низовьях р. Самур (о городище Арменкала см.: *Абакаров, Давудов* 1993: 242). К данному типологическому ряду можно отнести и зафиксированное Х.Г. Магомедсалиховым в сел. Алмак (Казбековский р-н РД) предание о том, что на близлежащем к селению городище средневекового времени жили христиане и евреи (ПМА 10: Магомедсалихов), а также сообщение А.П. Ипполитова о том, что извлекаемые из древних памятников медные статуэтки с изображением воинов, козлов, оленей и баранов назывались чеченцами Аргунского округа “христианскими богами” (*Ипполитов* 1868: 49–50).

Итак, как можно было убедиться, археологические памятники и отдельные находки, явно относящиеся к домусульманскому периоду, дагестанскими (и чеченскими) преданиями связываются либо с “евреями”, либо с “христианами”. Что касается последнего факта, то можно указать, что в южной части Дагестана термин “армяне” (*эрмени*) тождественен понятию “христиане”, тогда как в западной части республи-

ки местная традиция ассоциирует понятие “христиане” с “грузинами” (*гурджи*), что обусловлено следующим: в средневековый период христианство проникало в южную часть Дагестана с территории Албанского католикосата, который иерархически был подчинен Армянской апостольской церкви, тогда как в нагорную часть Дагестана христианство проникало преимущественно с территории, находившейся в ведении автокефальной Грузинской православной церкви.

Отсюда следует вывод, что если в дагестанских преданиях о возникновении старинных дагестанских сел фигурируют главным образом “евреи”, то в преданиях о старинных археологических памятниках, не имеющих явной мусульманской символики, они назывались либо “еврейскими”, либо “христианскими” (“армянскими”, “грузинскими” или “русскими”). При этом большинство указанных памятников располагается вне ареала традиционного расселения горских евреев (средневекового периода и нового времени) и вне зоны активного проникновения христианства. Последнее утверждение в значительной степени относится к аулам Чирката и Арчо (см. выше), близ которых, в отличие от некоторых других зон расселения аварцев, не зафиксировано каких-либо памятников, указывающих на распространение там христианства⁷.

Итак, традиция именованья “еврейскими” или “христианскими” (или же одновременно “еврейскими” и “христианскими”, как иллюстрируют некоторые из приведенных выше примеров) артефактов, относящихся к домусульманскому периоду, подтверждает выдвигаемую здесь гипотезу о том, что легенды, связывающие основание некоторых из дагестанских аулов с “христианами” или “евреями”, следует рассматривать как указание на древность соответствующих аулов.

Данный вывод существенно отличается от объяснений, предлагавшихся исследователями ранее. Так, например, В.Ф. Миллер принимал легенды о еврейском происхождении населения некоторых дагестанских аулов “за чистую монету” (1892: III), а у С.А. Арутюнова они создавали впечатление того, что “группы населения, исповедовавшие иудаизм, целыми общинами участвовали в этногенезе аварцев, татов-мусульман и других народов Дагестана...” (2002: 11). По мнению М.-Р.А. Ибрагимова, данные предания свидетельствуют об ассимиляционных процессах среди горских евреев (2002: 525). Кроме того, и А.К. Аликберов, рассматривая легенды об именовании “евреями” карчагских и арагских лезгин (см. выше), связывает происхождение последних с евреями (2003: 455, примеч. 23); другие же дагестанские легенды такого рода относятся, по его мнению, либо к евреям, либо к хазарам (Там же: 65, 112–113, 143, 454, 455). Несколько раньше точка зрения о связи дагестанских топонимов со значением “еврейский” с потомками хазар высказывалась М.Г. Магомедовым (1983: 173–174).

Особо стоит рассмотреть предположение М.А. Агларова о том, что упоминание в мунийском предании о ЖугьутI-хане может указывать на вхождение владений последнего в состав Хазарского каганата; при этом подразумевается, что владения Сураката Аварского в состав Хазарского каганата не входили (Агларов 2002: 12, 23–24). Вместе с тем необходимо обратить внимание, что в письме хазарского царя Иосифа в числе его данников названы области *Б.г.да* (около Баб ал-Аббаба, т.е. Дербента) и *С.р.ди* (Коковцов 1932: 100), что можно реконструировать как соответственно **Кайтаг* (Семенов 2005: 234) и **Сапир* (Westberg 1900: 307; Коковцов 1932: 104, примеч. 8; Семенов 2005: 233. См. также: Айтберов 1986: 28). Но поскольку именно Сарир и принято считать наиболее ранним государством на территории расселения современных аварцев (Бейлис 1963; Минорский 1963: 132–137; История Дагестана 1967: 123–124, 182), то как раз владения Сураката Аварского, а не ЖугьутI-хана должны были бы входить в состав Хазарского каганата или же находиться в политической зависимости от него. Таким образом, предлагаемое М.А. Агларовым соотнесение исторических реалий предания о ЖугьутI-хане с эпохой Хазарского каганата не находит опоры в источниках.

Кроме того, объяснение имени ЖугьутI-хан с позиций обоснованной выше гипотезы о том, что именование “еврейским” в такого рода дагестанских легендах следует расценивать как указание на “старинность”, не встречает никаких препятствий. При этом следует обратить внимание, что в обозримом прошлом у андийцев не было ханов: андийский джамаат (*андал*; самоназвание андийцев – *гьванал* – *Агларов* 2002: 3) имел республиканское устройство (Там же: 153–158). Но, судя по всему, так было не всегда, поскольку, согласно мунийскому преданию, в старые времена у них имелись эмиры, которые по-андийски назывались *рехедол* (*Хашаев* 1961: 240). Вероятно, с последним титулом⁸ и следует сопоставлять имя ЖугьутI-хана.

Предположение о синонимичности в разбираемых легендах понятий “еврейский” и “старинный” позволяет внести ясность и в другие приведенные выше предания. Например, легенду об основателях селений Мекеги, Мулебки, Губден и Кадар с “Еврейским поселением” (*ЖугьутIела шибарко*) следует расценивать, во-первых, как отражение большой древности самих этих аулов, и, во-вторых, как претензии его жителей на связь с поселением, значительно более ранним, чем их собственное.

Что касается присутствующего в араканском предании упоминания в качестве его родоначальников не только евреев, но и персов, то в данном случае, вероятно, отразилась народная память об основании данного селения завоевателями, а поскольку в Дагестане ни армяне, ни евреи в роли завоевателей никогда не выступали, то их место занял другой этнос, с экспансией которого дагестанцы сталкивались не раз. Относительно наличия в легенде помимо персов еще и евреев, скорее всего, имеет место дань общедагестанской “модели” включения в легенды такого рода “еврейского” элемента.

Во всех перечисленных случаях мнимым “евреям” обычно приписывались те стереотипные представления, которые обычно связывают с горскими евреями, причем далеко не во всех случаях именование “евреями” жителей тех или иных дагестанских сел носит пейоративный характер.

В качестве параллелей к данной традиции можно сослаться на легенду о происхождении фамилий кабардинских князей: одна из них возводилась к евреям, другая – к армянам, третья – к грузинам (напр., см.: *Бгажноков* 1983: 88). Можно также указать на очень популярную в средневековый период легенду о еврейском происхождении рода Багратидов (История Армении 1893: 1. 22) (арм. *Багратуни*, груз. *Багратониани/Багратиони*), управлявших первоначально армянской провинцией Сперк, позднее всей Арменией, еще позднее княжеством Тао-Кларджети и затем – уже в качестве царей – всей Грузией. Однако и в том, и в другом случае речь идет о происхождении аристократических родов, а не о населении тех или иных селений. Кроме того, в самом Дагестане у высшей аристократии существовала иная тенденция в поисках исторических корней: практически все они возводили свое происхождение к знатым арабским воинам и даже к роду пророка Мухаммада (*Бакханов* 1991: 64 сл.).

Дагестанская традиция именованья основателей старейших аулов “евреями”, а также “христианами” (“армянами”, “грузинами”, “русскими”), несомненно, возникла в мусульманский период истории дагестанских народов, так как только с утверждением ислама, являвшегося наиболее молодой из авраамических религий, могло возникнуть представление о том, что самые старые аулы, а также памятники, артефакты и т.д., относящиеся к домусульманскому периоду, могут быть связаны с приверженцами авраамических религий, которые существовали до пророка Мухаммада.

Наиболее близкой к рассматриваемому дагестанскому материалу в отношении семантики является распространенная в среде пуштунских племен Афганистана и Пакистана легенда об их происхождении от 10 потерянных израильских колен⁹. Судя по всему, значительно раньше обнаружилась легенда о происхождении от тех же 10 израильских колен некоторых групп таджиков и узбеков (*Абдуллаев* 2006: 164–166), причем наиболее ранний отголосок этой темы, исследованной Е. Абдуллаевым,

относится к сасанидской эпохе (226–651 гг.): речь идет о сообщении анонимного среднеперсидского географа о том, что г. Хорезм был основан евреем Нарсе (A Catalogue 1931: 11). Любопытно, что данная легенда была распространена не только среди самих таджиков и узбеков, но и среди среднеазиатских евреев. В связи с этим Е. Абдуллаев отмечает следующее: «Цель мифа о еврейском предке – легитимация культурных претензий коренного народа на равенство с другими древними народами, тогда как миф о потерянном колене служит легитимации культурных претензий “пришлого” народа на равенство с коренными» (Абдуллаев 2006: 167).

Полагаю, что данное заключение актуально и для дагестанской действительности, но с незначительной поправкой: мотив “десяти потерянных колен” в дагестанских легендах отсутствовал. По всей видимости, это было связано со слабым знакомством дагестанских мусульман с библейскими историческими сюжетами, а также и с тем, что на происхождение от “десяти потерянных колен” претендовали сами горские евреи. Во всяком случае, легенды такого рода были распространены в среде горско-еврейских раввинов, начиная, по крайней мере, с XVII в. (напр., см.: *Гербер* 1760: 305–306).

Горским евреям не могло не imponировать, что многие из дагестанских горцев возводили свое прошлое к “евреям”. Правда, при этом горские евреи не подозревали о том, что определение “еврейское” в данном случае синонимично эпитету “старинное”, и принимали соответствующее именование за подлинную реальность. И, как следствие, в еврейской среде формировались собственные мифологемы относительно “еврейского” прошлого их мусульманских соседей. Прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо сказать о том, что евреев, конечно же, не могло не удивлять обилие “евреев” в горной зоне, где, как это хорошо было известно горским евреям, их предки в обозримом прошлом никогда не жили. Поэтому в общении со своими лезгинскими, аварскими или даргинскими информаторами они не могли не обращаться к ним за доказательствами былого еврейского прошлого. И такие “доказательства” находились – в виде якобы обнаруженных в стенах домов Талмудов и Свитков Тор, “еврейских знаков” и “еврейских надписей”. Правда, все подобные “доказательства” являлись не более чем новыми элементами тех же легенд.

Поскольку самим дагестанским горцам семантика именовании основателей старинных аулов “евреями” была известна, то никаких доказательств своего “еврейского” прошлого им не требовалось – доказательства требовались в общении с настоящими евреями, т.е. с горскими евреями. А тем предъявляемых “доказательств” вполне хватало, и уже в самой горско-еврейской среде находилась новая “аргументация” такого рода. Например, в XIX в. И.Ш. Анисимов писал, что жители селений Ахты и Араканы “хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев”. И далее: “Жители этих аулов до сих пор дают детям своим имена своих отцов и матерей, взятых из Ветхого завета и носимых горскими евреями” (Анисимов 2002: 26). Разумеется, примеров такого рода имянаречения И.Ш. Анисимов не приводит, так как сыскать их было невозможно, а если бы и удалось обнаружить, то очень быстро бы выяснилось, что эти имена были восприняты горцами посредством коранической традиции.

Еще один пример такого же рода: в 1978 г. мною было записано широко распространенное в Дербенте предание о том, что в некоторых семьях в сел. Ахты хранятся списки Торы; перед наступлением субботы ахтынские женщины зажигают свечи, достают Тору и читают ее; умение читать по-еврейски передается у них по наследству, но смысла прочитанного они не понимают (ПМА 1: тетр. 2).

Мотив, связанный с зажиганием свечей в канун субботы, был зафиксирован также Б.В. Миллером: “Отметим еще зажигание свечей в интересном по своей этимологии лезгинском селении Хазры (Хəзrи), в северной части Кубинского уезда” (1929: 21).

Несколько таких же легенд фигурирует в работе Б.Б. Маноаха, являющегося горским евреем.

1. «...Один из коренных жителей села Ахты, лезгин, переехавший жить в Дербент еще в 30-е годы – некто Давлетханов – не скрывал, что его предки были евреями, и при каждом удобном случае вспоминал, что его мать всегда ставила субботние свечи, в субботу не готовила обед и вообще не делала ничего, что евреям запрещено делать в этот день. Он также говорил, что у них в доме спрятан свиток Торы и другие религиозные атрибуты. На вопрос, почему бы все это не отдать в синагогу, он отвечал: “По завещанию наших предков, эти вещи должны вернуться к народу тогда, когда наша община, насильно превращенная в мусульман, вернется в лоно своей религии...”» (*Маноах* 1984: 23–24).

2. «В селении Ньюдюн, в 15–20 км севернее Кубы, в горах, живут “таты”, у которых хранится Сефер-Тора и другие религиозные книги. Эти “таты” и поныне ставят субботние свечи, но во всем этом признаются только евреям, и то исключительно близким друзьям.

На неоднократные просьбы евреев продать им Сефер-Тору те отказывают им в этом. Они уверены, что придет время, когда они сумеют снова признать себя принадлежащими к иудейской религии, как завещали им их предки. Каждое поколение уверено, что это произойдет еще при его жизни» (Там же: 24).

3. Об ауле Усуг: “...При Советской власти многие научные экспедиции Москвы и Ленинграда побывали в этом ауле и искали свитки Священной Торы и другие культовые принадлежности. Но жители аула категорически отказались передавать эти реликвии своей вере. Они надеются, что наступит время, когда их потомки вернутся к вере своих отцов” (Там же: 26–27).

Подобные легенды активно циркулировали в Дербенте в период моей юности – в 70-е годы XX в. В те времена свитки Сэфер Торы в горах “искали” не только “научные экспедиции”, но и дербентские равнины. Некоторые из них (не могу называть их по именам) даже видели эти свитки “собственными глазами”, но хозяева категорически отказывались их продавать. Кстати, “охота” за такими свитками продолжается и поныне: по словам Дибияева Шими Мигировича, председателя еврейской религиозной общины г. Махачкалы, он многократно пытался выкупить в горных аулах такие свитки, “но они не хотят продавать” (ПМА 7: тетр. 1).

В тех случаях, когда предпринимаются реальные попытки обнаружить “еврейские” артефакты такого рода, они неизменно терпят фиаско. Так, в г. Буйнакске мной была зафиксирована легенда о существовании близ аула Араканы пещеры с еврейской надписью над входом (ПМА 8: тетр. 1). Несколько позднее мной была предпринята попытка навести справки о пещере через А.-Г.М. Нурмагомедова. Тот во время своей поездки в Араканы получил от информанта подтверждение существования пещеры: человек “видел ее собственными глазами”. После моей просьбы уточнить местонахождение пещеры тот же информант сообщил А.-Г.М. Нурмагомедову, что на самом деле еврейская надпись находится не над входом в пещеру, а на балке дома в сел. Араканы. В следующий раз выяснилось, что это была не еврейская надпись, а “еврейский знак”. И только после пятой или шестой попытки информант сообщил, что дом уже перестроили и указанная балка не сохранилась.

Судя по всему, араканцы уже давно успели привыкнуть к интересу, проявляемому к их аулу горскими евреями, и потому указанный информант А.-Г.М. Нурмагомедова, зная о том, что тот наводит справки о пещере для своего коллеги, “ученого из Махачкалы”, который является горским евреем, выдал весь набор легендарных мотивов, заготовленный специально для горско-еврейского слушателя.

Другой пример такого рода имел место в конце 90-х годов XX в., когда в Дагестан приехала израильская телевизионная группа, снимавшая научно-популярный фильм о хазарах. Они в первую очередь направились в Араканы и по приезде туда спросили у первого же попавшегося мальчика, сохранились ли в их ауле еврейские памятники? Мальчик тут же повел их к какому-то полуразрушенному дому и ска-

зал, что это была “еврейская мечеть” и что в ее стене нашли еврейскую книгу. Разумеется, журналистам рассказали и многие другие легенды такого же рода. Но главное впечатление состоит в том, что в Араканах даже мальчики знают, чего от них хотят услышать евреи.

Таким образом, еврейские мифологемы, возникшие на основе легенд о “еврейском” прошлом древнейших дагестанских аулов, проникали обратно, в мусульманскую среду, и получали там новое развитие, что не может не производить впечатления игры, в которой каждая из сторон подыгрывает друг другу.

Любопытно также, что в обыденном сознании горских евреев соответствующие факты воспринимались не без лукавства: *они* произошли от *нас*. Разумеется, при этом никто всерьез не рассматривал идею о прямом происхождении дагестанских горцев от горских евреев – обычно происхождение от *нас* объясняли происхождением от прозелитов, таких же, как иудейские хазары; причем распространение иудаизма среди горцев, как правило, приписывали тем же хазарам. Совершенно другое объяснение “еврейского” прошлого сел. Араканы в разговоре со мной дал Ш.М. Дибияев; по его словам, еврейскую общину там составляли евреи, выселявшиеся туда из родных аулов в наказание за убийство (ПМА 7: тетр. 1).

Показательна также позиция в данном вопросе проф. М.М. Ихилова (1917–1998), этнографа, имеющего горско-еврейское происхождение. По отзыву Г.Г. Гамзатова, в кандидатской диссертации М.М. Ихилова, посвященной горским евреям (Ихилев 1949), «прослеживалась мысль о якобы обширном распространении “горского еврейства” среди дагестанских народов – как в историческом, так и географических планах». При этом М.М. Ихилев шел по пути сопоставления лексики дагестанских и горско-еврейского языков, а также возможности горско-еврейской этимологии ряда дагестанских топонимов (Гамзатов 2004: 21). М.М. Ихилев не только писал на эту тему, но и пропагандировал свою идею дагестанцам во время частых лекций, проводившихся в сельских клубах. Нередко после таких лекций в Институт истории, языка и литературы, где работал М.М. Ихилев, приходили письма с возмущениями по поводу того, что лектор рассказывает о еврейском происхождении аварцев. А Г.Г. Гамзатов, бывший тогда председателем Президиума Дагестанского филиала АН СССР¹⁰, с укором показывал эти письма М.М. Ихилеву, на что тот резко отвечал: “А хочешь, я докажу тебе, что ты тоже еврей?!” (ПМА 9: тетр. 1).

Столь же анекдотичный случай рассказывают коллеги М.М. Ихилова, побывавшие на его лекции в одном из лезгинских селений. Выходя после лекции из сельского клуба, один из аксакалов сказал другому: “Выходит, что мы от евреев произошли!” (ПМА 9: Шихсаидов).

В заключение хочу поблагодарить сотрудников Института истории, языка и литературы, любезно предоставивших материал по данной теме.

Примечания

¹ Выступление чл.-кор. РАН С.А. Арутюнова на научной сессии, посвященной 140-летию горско-еврейского этнографа И.Ш. Анисимова. Москва, 9 июля 2002 г.

² У горских евреев женщины, близкие покойного, во время оплакивания действительно расцарапывают себе лица.

³ “Шамхалов, ныне аспирант Научно-исследовательского института народов Востока в Москве” (Миллер Б. 1929: 21, примеч. 3).

⁴ Селение Гумбет – ныне административный центр Гумбетовского р-на РД.

⁵ Темир-Хан-Шура – ныне г. Буйнакс, РД.

⁶ Консультация д.и.н., проф., главного научного сотрудника ИИАЭ А.Р. Шихсаидова (апрель 2002 г.).

⁷ Многократные консультации старшего научного сотрудника ИИАЭ Данияла Муртузалиевича Магомедова на протяжении 2006–2007 гг.

⁸ Этимология термина *рехедол* остается неизвестной (Агларов 2002: 32).

⁹ К сожалению, академические исследования по данной теме мне не известны; я располагаю лишь не вполне внятным материалами статьи А. Майстрового “Мои праотцы – израильтяне” в газете “Новости недели” (Израиль) (см.: <http://www.isra.com/lit/item.phtml> – 19.05.2007).

¹⁰ В настоящее время – академик РАН Г.Г. Гамзатов – научный руководитель Института языка, литературы и истории Дагестанского научного центра РАН.

Источники и литература

- Абакаров, Давудов* 1993 – *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
- Абдуллаев* 2006 – *Абдуллаев Е.* Миф об утерянном колене в исследованиях по истории Центральной Азии // *Вестн. Евразии.* М., 2006. № 1 (31).
- Агларов* 1988 – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII–XIX вв. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.
- Агларов* 2002 – *Агларов М.М.* Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.
- Айтберов* 1986 – *Айтберов Т.М.* Центральная часть Восточного Дагестана в VII–XIII вв. (к хронологии и географии борьбы с мусульманами) // *Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья.* Махачкала, 1986.
- Аликберов* 2003 – *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия “Райхан ал-хака’ик” (IX–XII вв.). М., 2003.
- Анисимов* 2002 – *Анисимов И.Ш.* Кавказские евреи-горцы // *Сб. материалов, издаваемый при Дашковском этнографическом музее.* Вып. III. М., 1888; отд. изд. – М., 1888; М., 2002. Все ссылки по последнему изданию.
- Арутюнов* 2002 – *Арутюнов С.А.* Предисловие // *Анисимов И.Ш.* Кавказские евреи-горцы. М., 2002.
- Бакиханов* 1991 – *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам / Ред. коммент., примеч. и указ. З.М. Бунятова. Баку, 1991.
- Бгажноков* 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
- Бейлис* 1963 – *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // *Исторические записки.* 73. 1963.
- Бобровников, Сефербеков* 2003 – *Бобровников В.О., Сефербеков Р.И.* Абу-Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // *Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе* / Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М., 2003.
- Гамзатов* 2004 – *Гамзатов Г.Г.* Добрым словом вспоминаю я Михаила Матаговича // *Ихиллов Михаил Матагович: ученый, воин, гражданин:* Сб. ст. / Сост. Г.Б. Мусаханова. Махачкала, 2004.
- Гасанов* 1994 – *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
- Гербер* 1760 – *Гербер И.Г.* Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и их состоянии в 1728 году // *Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие.* 1760. Июль–октябрь.
- Датхаев* 1995 – *Датхаев Ю.И.* О бухарских евреях. Нью-Йорк; Денвер, 1995.
- Дымищиц* 2008 – *Дымищиц В.А.* Краткий отчет об экспедиции в Азербайджан в июне 1997 года // *Кавказская газета. Нетания (Израиль).* 2008. № 53. Янв.
- Ибрагимов* 2002 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Горские евреи // *Народы Дагестана* / Отв. ред. С.А. Арутюнов и др. М., 2002.
- Ибрагимов* 2004 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнокультурные процессы у горских евреев Дагестана // *Ихиллов Михаил Матагович: ученый, воин, гражданин:* Сб. ст. / Сост. Г.Б. Мусаханова. Махачкала, 2004.
- Ипполитов* 1868 – *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // *Сб. сведений о кавказских горцах.* Вып. I. Тифлис, 1868.
- История Армении* 1893 – *История Армении Моисея Хоренского* / Пер. Н.О. Эмина. М., 1893.
- История Дагестана* 1967 – *История Дагестана.* Т. 1. М., 1967.
- История Ирхана* 1993 – *История Ирхана* / Введ., пер., коммент. А.Р. Шихсаидова // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- Ихиллов* 1949 – *Ихиллов М.М.* Горские евреи (Опыт монографического исследования) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.

- Ихилев* 2004 – *Ихилев М.М.* Горские евреи (из неопубликованного) // Ихилев Михаил Мататович: ученый, воин, гражданин.
- Коковцов* 1932 – *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Магомедов М.Г.* 1983 – *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменных данных. М., 1983.
- Магомедов Р.М.* 1977 – *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана: Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977.
- Маммаев* 2005 – *Маммаев М.М.* Зирихгеран–Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005.
- Маноах* 1984 – *Маноах Б.Б.* Пленники Салманасара (Из истории евреев Восточного Кавказа). Иерусалим, 1984.
- Материалы* 2007 – Материалы 14-й ежегодной Международной междисциплинарной научной конференции по иудаике, Москва, 30 января 2007 г.: Тез. докл. М., 2007.
- Миллер Б.* 1929 – *Миллер Б.* Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы) // Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку. 1929. № 8. Вып. 7.
- Миллер В.Ф.* 1892 – *Миллер В.Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892.
- Минорский В.Ф.* 1963 – *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Очерк 1867 – Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Газета “Кавказ”. 1867. № 7.
- П.У.* 1869 – *П.У.* Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сб. сведений о кавказских горах. Вып. II. Тифлис, 1869.
- ПМА 1 – Полевые экспедиции автора. Дербент, ноябрь 1978 г. (информант – Н.М. Ханукаев, 1932 г.р.)
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Дербент, февраль 1979 г. (информант – Ф.М. Мурзаханова, 1958 г.р.)
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Махачкала, ноябрь 1979 г. (информант – Г.Б. Юшваева, 1916 г.р.)
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Махачкала, апрель 2002 г. (информант – Б.Г. Алиев, 1932 г.р.; М.-Р.А. Ибрагимов, 1951 г.р.; Д.М. Магомедов, 1935 г.р.; Р.И. Сефербеков, 1961 г.р.)
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Махачкала, апрель 2002 г. (информант – Г.С. Сосунов, 1958 г.р.)
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Буйнакск, январь 2003 г. (информант – О.М. Османова, 1955 г.р.)
- ПМА 7 – Полевые материалы автора. Махачкала, март 2003 г. (информант – Ш.М. Дибияев, 1922 г.р.)
- ПМА 8 – Полевые материалы автора. Буйнакск, июнь 2004 г. (информант – Б.Р. Пашаев, 1977 г.р.)
- ПМА 9 – Полевые материалы автора. Махачкала, июль 2004 г. (информант – А.Р. Шихсаидов, 1928 г.р.; С.А. Лугуев, 1942 г.р.)
- ПМА 10 – Полевые материалы автора. Махачкала, ноябрь 2006 г. (информанты – М.А. Дадаев, 1958 г.р.; Х.Г. Магомедсалихов, 1962 г.р.; Д.-А.А. Хазамов, 1966 г.р.)
- ПМА 11 – Полевые материалы автора. Махачкала, март 2007 г. (информанты – М.И. Абдуллаева, 1965 г.р.; М.М. Магомедханов, 1952 г.р.)
- ПМ Алиева – Полевые материалы главного научного сотрудника ИИАЭ проф., д.и.н. Б.Г. Алиева.
- ПМ Лугуева – Полевые материалы заведующего отделом этнографии ИИАЭ д.и.н. С.А. Лугуева (информант – А.Д. Лугуева, 1904 г.р.)
- Семенов* 2005 – *Семенов И.Г.* Топонимика Северо-Восточного Кавказа в материалах еврейско-хазарской переписки // Вопросы истории Дагестана. [4]. К 80-летию проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 2005.
- Сергеева* 1967 – *Сергеева Г.А.* Арчинцы. М., 1967.
- Тарихи 1898 – Тарихи Дербент-наме. Тифлис, 1898.
- Хашаев* 1961 – *Хашаев М.-Х.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
- ЦГА РД – Центральный государственный архив РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6.
- Шиллинг* 1947 – *Шиллинг Е.М.* Дагестанская экспедиция 1946 г. // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1947.

- Шиллинг* 1948 – *Шиллинг Е.М.* Очерки по этнографии андийцев // Архив Института этнологии и антропологии. 1948. Д. 7629.
- A Catalogue 1931 – A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr / Pahlavi Text, Version and Comm. by J. Markwart / Ed. G. Messina. Roma, 1931.
- Semenov* 2003 – *Semenov I.* The Mountain Jews in the Caucasus: Certain Aspects of Ethnic Identifications // Central Asia and the Caucasus. 2003. № 3 (21).
- Westberg* 1900 – *Westberg F.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa. St. Petersburg. 1900.

I.G. Semenov. Metamorphoses of the Epithet “Jewish” in Dagestani Traditional Stories

Keywords: Dagestan legends, Dagestan Jews, Dagestan *aul*, epithet “Jewish”, epithet “Christian”

The article explores Dagestani traditional stories containing designations for inhabitants of some Dagestani *auls* (villages), such as “Jews”, “Armenians”, “Georgians”, or “Russians”. The author argues that epithets “Jewish”, “Armenian”, “Georgian”, or “Russian” in these stories were functioning as synonyms of the term “ancient” in the majority of cases.